

6. РГИА. Ф. 759. Оп. 46. Д. 3744. Л. 8, 9.
7. Там же. Д. 3767. Л. 1.
8. Государственная Дума Российской империи. Т. 1. М., 2006. С. 270, 237.
9. РГИА. 759. Оп. 46. Д. 3769. Л. 9; д. 3770. Л. 1; д. 3772. Л. 1 — 4.
10. РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2354. Л. 8 — 9.
11. Там же. Д. 2390. Л. 7.
12. ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. 1917. Д. 934. Л. 13 — 14, 16.
13. Там же. Л. 35, 42 — 43, 73 — 74; ф. 8. Оп. 3. Д. 1369. Л. 152; РГИА. Ф. 759. Оп. 46. Д. 3775. Л. 6 об. — 7.
14. Там же. Д. 934. Л. 15.
15. РГИА. Ф. 759. Оп. 46. Д. 3964. Л. 131 — 131 об.
16. ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 934. Л. 18.
17. РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2339. Л. 1 — 2.
18. Там же. Л. 6 — 6 об.; Оп. 67. Д. 182. Л. 1 — 2 об.
19. Там же. Д. 180. Л. 1 — 7; д. 216. Л. 5 об.; оп. 46. Д. 3960. Л. 165 — 166.
20. Там же. Л. 133.
21. Там же. Оп. 27. Д. 3446. Л. 34.
22. Вестник Временного правительства. 12 апреля 1917.
23. РГИА. Ф. 759. Оп. 46. Д. 4030. Л. 5, 6.
24. Там же. Л. 27; ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 934. Л. 37.
25. РГИА. Ф. 759. Оп. 46. Д. 4030. Л. 37.

В. С. Волков

ТРЕТЬЯ МУЗА АКАДЕМИКА-ПЕДАГОГА БОРИСА ЕВГЕНЬЕВИЧА РАЙКОВА

Я знаю власть рифмующихся строк:

Я в них люблю и негодую...

Б. Е. Райков

Имя Бориса Евгеньевича Райкова (1880–1966) известно и сохраняется в памяти благодаря его заслугам в создании научных основ отечественной методики естествознания и исследованиям по истории естественных наук. Они были оценены высокими научными степенями и званиями: доктора педагогических наук, профессора, действительного члена Академии педагогических наук, заслуженного деятеля науки РСФСР. Им опубликовано свыше 600 работ, в том числе около 20 книг. В 1921–1930 гг. он заведовал кафедрой методики естествознания в Петроградском — Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена, а в 1945–1948 гг. работал профессором этой кафедры. До 1917 г. он был в оппозиции к царскому режиму, дважды сидел в тюрьме и дважды высылался из Петербурга под гласный надзор полиции. После октября 1917 г. плодотворно сотрудничал с советской властью, стал лидером ленинградской, по существу, Герценовской научной школы методики естествознания. Но в 1930 г. был оклеветан и приговорен к 10 годам заключения в исправительно-трудовом лагере на строительстве Беломорско-Балтийского канала. После Великой Отечественной войны вернулся в ЛГПИ им. А. И. Герцена, но в 1948 г. был уволен по бесосновательному обвинению в принадлежности к «вейсманизму-морганизму». С 1948 по 1966 гг. работал в Ленинградском отделении Института истории естествознания и техники АН СССР.

На протяжении всей жизни он писал стихи, достиг в этом деле высокого уровня мастерства, но никогда не публиковал их. Но незадолго до своего 70-летия он систематизировал свои произведения и объединил их в четыре тематических сборника: «Поступь дней. Избранные стихи разных годов», «Под вьюгой», «Тень», «Петра творенье». В них вошло 262 стихотворения. Кроме того, он написал поэму «Белая шляпа. Повесть минувших лет» (фактически роман в стихах, по примеру «Евгения Онегина» и почти «онегинской строфой»), состоящую из 166 строф или 2656 строк. В 1950-х гг., они были переданы им на хранение в Ленинградский филиал Архива Академии наук, где и находятся в настоящее время (фонд 893). Тематика его стихотворений разнообразна. В них отразилось все, что он видел, переживал, о чем размышлял, что любил и ненавидел. Кроме того, он писал и прозаические произведения: повести, рассказы и очерки. В том же архиве хранятся 9 его прозаических сочинений, общим объемом около 400 страниц, напечатанных на машинке. Более счастливой оказалась судьба его воспоминаний, «На жизненном пути. Автобиографические очерки», которые в 2012 г. опубликованы в двух книгах, объемом свыше 1200 страниц. О Борисе Евгеньевиче Райкове можно сказать в данном контексте: «Неизвестный поэт-герценовец».

Историю своего поэтического творчества Б. Е. Райков описал в большом стихотворении «Моей музе». Оно датировано 24 августа 1945 г., пятьдесят лет спустя после написания первого стихотворения, включенного им впоследствии в сборник «Поступь дней. Избранные стихи разных годов».

С лавровыми ветками фуражка,
Серая шинелька налегке,
Цифрою прорезанная пряжка
На ремennom черном кушаке —

Вот таким на первое свиданье
Я пришел — без ранца на спине.
И тогда в таинственное зданье
Ты дорогу указала мне.

Ты была тогда неясной, лунной,
Волосы струились, как туман.
Доносился рокот тихострунный,
Словно ветер из далеких стран.

Но поздней ты стала мне подругой,
Женщиной телесной и земной,
С алым ртом, с походкою упругой,
Ты не расставалась со мной.

И мой мир стал ярок и чудесен
И расцвел он, как жасминный куст,
И немало я подслушал песен
Из твоих, тогда румяных губ.

Помнишь шум березовой аллеи —
Даже в полдень было там темно,
Помнишь, как жасминный запах веял,
По ночам в открытое окно.

Я березам не остался верен
И в жасминном не прирос саду,
Не был путь мой гладок и размерен
И ладья разбилась о скалу.

И когда мой мир застыл и замерз,
Люди стали страшно далеки,
В полутьме моих железных камер
Ты не бросила моей руки.

Я был близок к гибели — не скрою —
В эти непомерные года
Ласковой, заботливой сестрою
Для меня ты сделалась тогда.

Помнишь остров, грязные бараки,
Блеск штыка на вышке под луной,
Богохульства, окрики и драки?..
Но не расставалась ты со мной.

И когда среди зловещей вьюги
Я пустился в незнакомый путь,
Тайные напутствия подруги
Напрягли и укрепили грудь.

Да, под ласку этих утешений
Можно было все перенести...
Ты венки страданий и лишений
Долго помогала мне нести.

И теперь, когда я стар и болен,
И вблизи недолгого конца,
Я бываю счастлив и доволен,
Видя тень прекрасного лица.

И мне ясно: наше назначенье —
Все вместить в таинственную сеть,
Чтобы ярче уловить мгновенье
И его навек запечатлеть.

Человек, знающий биографию Б. Е. Райкова или прочитав его воспоминания «На жизненном пути», сразу увидит, что в этом стихотворении обозначены особенности каждого из этапов этого пути, а его Муза, представленная им в разных проявлениях, вдохновляла его на создание сочинений, отражающие эти особенности. Проиллюстрируем это наблюдение соответствующими стихотворениями. Впервые перед 14-летним гимназистом Муза предстала как прекрасная незнакомка, неземная, лунная, облик которой едва проступает в туманной дымке, и вдохновляет его на стихи о Ней, воображаемой Деве, а в жизни обычной добросовестной, как и он, гимназистке. В августе 1895 г. он пишет:

Давно уже к тебе улететь я готов,
Но звенья тоскливых оков —
Корнелий, Анабазис, Цезарь сухой —
Меня разлучают с тобой.

И в эту прозрачную тихую ночь,
Отбросив грамматику прочь,
Объят, очарован ночной красотой,
К тебе уношусь я мечтой.

Лунной, со струящимися волосами, оставалась Муза и тогда, когда он, уже в студенческой тужурке, произносил перед товарищами мятежные речи. Наступало время, о котором в другом стихотворении он сказал:

Было время — летели как птицы,
Вперегон мои быстрые дни,
И сменялись огней вереницы
И волшебнo манили они.

Тогда из-под пера Райкова выходили темпераментные стихи о прекрасных женщинах, о радующих душу пейзажах, но он порой останавливал радостный бег, задумывался, постигал существо творчества своих знаменитых собратьев по поэтическому цеху и появлялись такие, например, строки:

Валерию Брюсову

Как жидкий газ дыханием мгновенным
Вдруг каменит минутные цветы
И временное делает нетленным
И мрамороподобным — так и ты
Свои мгновенья превращая в вечность,
Крик похоти и утренний псалом,
Улыбки детской милую беспечность
И беспощадной молнии излом.

1920-е гг. — время широкой популярности Б. Е. Райкова как педагога-естественника, время творческого взлета, страстного участия в дискуссиях о будущем русской школы. Завистники его славы (московские педагоги Б. В. Всесвятский, Б. Игнатьев, ленинградец А. Ф. Бенкен и др.) оклеветали его, и он оказался в 1930 г. в ленинградской тюрьме «Кресты», а в 1931 г. ему был объявлен приговор — 10 лет заключения в лагере за противодействие советской власти в области просвещения. Вот тут-то и предстала перед ним Муза в качестве ласковой заботливой сестры, подсказывая сюжеты и образы, помогавшие преодолеть тяжесть несправедливого наказания. Хотя в «полутьме железных камер» рождались и мрачные стихи.

В 1931 г. 25-летие своей научно-педагогической деятельности он «отмечал» в одиночной камере, и в мозгу (заключенных лишали возможности писать и читать) запечатлел стихотворение «Родина».

Моя добрая родина,
Неужель это было
Или только привидилось
В фантастическом сне?!

К двадцатипятилетию
Ты меня не забыла
И тюремную камеру
Приготовила мне.

Моя добрая родина,
Откровенно и смело
Говорил я, что думаю
Не тужил о себе.

Всем готов был пожертвовать
Для любимого дела
И ничьей не завидовал
Золоченой судьбе.

Не гулял я под маской
И не игрывал в прятки,
Мне претила нечистая
Плутовская игра.
Никогда не карабкался
ни к кому на запятки
И не продал святого пера.

Моя добрая родина,
Неизбежность страданья
Принимаю без ропота
Предаю себя сам.

Я отдал тебе честь мою,
Мои силы и знания,
Да и самую кровь мою
Не жалея отдам.

Муза, ласковая сестра, подсказала арестанту способ преодолеть стены одиночной камеры, он начал сочинять поэму «Белая шляпа. Повесть минувших дней», фактически роман в стихах. Заканчивал он ее уже в лагере на строительстве Беломорско-Балтийского канала и в одном из лирических отступлений (как А.С.Пушкин в «Евгении Онегине») доверительно сообщил читателям:

...Скажу одно, что этот труд
Вдохнул мне бодрости и силы
На много сладостных минут.
Как живо в каменной гробнице,
В глухой тюремной тишине
Давно исчезнувшие лица,
Опять являлися ко мне!
Отраднo здешнее покинуть,
Преграды мрачные раздвинуть
И приведенный пестрый рой
Созвать волшебную игрой.

Не оставляла Муза поэта-профессора и в лагере. Вдохновленный ею, он старался запечатлеть лагерные картины жизни заключенных и тоску по свободе. Вот стихотворение «Вечеракша» (это название лагерного пункта, где заключенных разместили в наскоро построенных бараках на двухярусных нарах по 13 человек в ряд).

Клопы завелись в тетради —
Вот знак горевого жилья!
На урку — особенно сзади
Похож становлюся и я.

Тринадцать, тринадцать на полке —
кошмаром отмеченный ряд!
А звезды в барачные щелки
На нас равнодушно глядят...

Забиты, зарыты, забыты,
В далекой тиши и глуши,
Мы словно могильные плиты,
Где камень на месте души.

Но муза видела, что ее подопечный обрел мудрость и поэтическое мастерство, и вполне естественно, что поэт уже перестал довольствоваться фиксацией увиденного, а стал отдавать предпочтение философско-нравственной проблематике:

Что лучше — носиться ли щепкой,
Чтоб каждый кочующий вал
Ловил тебя лапою цепкой
И вечно бросал и кидал?

Иль лечь неподвижно, как камень,
На мягком, на илистом дне,
Забыв и стремленье и пламень,
Без грезы о будущем дне?

В этот период даже мелкие факты и отдельные события побуждали поэта к размышлениям о главных проблемах бытия: смысле жизни, смерти, опасности забвения. Иногда такие мысли отражали цепочку фактов. Например, в сентябре 1941 г. в Медвежьегорске, где остался работать Райков после освобождения из лагеря, он участвовал в похоронах врача Ивана Григорьевича Дмитриева, работавшего в городе по вольному найму, но даже и после смерти находившимся в зависимости от политической системы, существовавшей в стране. На похороны Райков откликнулся двумя четырехстишиями, в том числе и таким:

И умерев, ты все же связан
Неимоверную уздой
И красный столб тебе навязан
С пятиконечную звездой.

Но ниже — выложила крестик
Из хвои верная рука,
И будет до небесной вести
Земля могильная легка.

Во время похорон его поразил необычный памятник, и он откликнулся стихотворением «Кроватка».

Врытая в могилку детская кроватка,
Спит под ней малютка хорошо и сладко,
Ни дожди, ни ветры не мешают спать,
Хоть давно малютку не качает мать.

От этих фактов Б. Е. Райков поднялся до осознания несовершенства мироустройства, что и выразил в произведении «Страшный мир».

Что делать нам? Живем мы в страшном мире,
Который мудр лишь только для глупцов,
Поверивших, что дважды два — четыре,
Не снявших унижительных оков.

Мир, где всегда питаться тварью малой
Обречена самой природой тварь,
Где свет и жизнь — бесцветное начало,
А смерть есть царь — и всемогущий царь!

Нет, я такого мира не приемлю,
С бессмыслием мириться не хочу!
Мир, где детей закапывают в землю,
Отравит душу даже палачу.

Кто ж был на Божьем троне коронован?
Кто возбудил движенье наших сфер?
Больной преступник? Сумасшедший клоун?
Иль мозгом поврежденный Люцифер?

Эти стихотворения написаны 12, 14, 17 сентября 1941 г., и фоном для них была Вторая мировая война, поставившая под сомнение принципы мироустройства. И, конечно, не случайно из-под пера Райкова появляется стихотворение «Приметы», из которого приведем первую и последнюю строфы:

Каждый день страшнее и тревожней,
Красный лик испуганной Луны,
Миг спасенья — дальше, невозможней,
Словно мы давно обречены...

... Озеро, взлохмаченное бурно,
Чуть заметно в серой полумгле,
И мерцанье желтого Сатурна
Угрожает гибелью Земле.

Жизнь Бориса Евгеньевича изобиловала драматическими событиями, и это отразилось в его поэтическом творчестве, но она же иногда и дарила ему счастье, а Муза вдохновляла на ликующие или восхищенные стихи. Например, в 1927 г. он, 47-летний профессор, еще в 1914 г. расставшийся с женой О.Л. Черемисиновой (на этой молодой вдове с четырьмя детьми он, еще будучи студентом, женился по умопомрачительной любви в 1905 г., но конфликты с повзрослевшими приемными детьми разрушили их семью), об-

ратил внимание на оканчивающую педагогический институт студентку Антонину Фоми-ну, которая, как он пишет в воспоминаниях, «смушалась и краснела при встречах». Они оказались охваченными взаимною любовью, и из души поэта-профессора выплеснулось, возможно, самое ликующее стихотворение «Миги», посвященное А. Н. Фоминой, которая стала его женой:

Пусть вьются миги, миги,
Как стая белых птиц.
И розы, и вериги,
И трепеты зарниц.

И робкое признание,
Дрожащая рука,
И дерзкое мельканье
Ажурного чулка.

И чей-то смех порочный,
И чад хмельных ночей,
И блеск звезды полночной,
И блеск твоих очей.

И нежные ресницы
Любимого лица,
И бледные страницы
Забытого певца.

Я брызга водопада,
Взметненная на миг,
На солнце я возник,
Мне вечности не надо!

Звучит, почти как классическое: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»

Большое место в поэтическом творчестве Б. Е. Райкова занимал его сын от брака с А. Н. Фоминой, которая была его верной подругой до конца его жизни, Игорь. Игорь побудил Бориса Евгеньевича писать «стихи для детей», в стихотворениях отца отразилось становление личности сына, его будущее было предметом тревог и забот.

В 1947 г. Борис Евгеньевич составил из своих стихотворений 4 сборника и дал их на отзыв известному поэту В. А. Рождественскому. Всеволод Александрович написал пространную аналитическую рецензию на творчество Райкова, признав за ним высокий уровень профессионального мастерства и охарактеризовал его стихотворения как «лирический дневник человека, много пережившего и много передумывавшего за свою долгую и плодотворную в науке жизнь». Одним из лучших произведений Б. Е. Райкова Рождественский назвал написанное в 1944 г. стихотворение «Сыну»:

Милый мальчик, темной и тревожной
Мы с тобой подавлены судьбой,
Но я щит, хоть тяжкий, но надежный
День и ночь держу перед тобой.

Мне ль не знать, усталому, как много
Рокового на пути твоём,
Как опасна и длинна дорога,
Как тяжёл и крут её подъём?

Встретишь реки — без мостов и брода,
Встретишь горы — но всегда страшной
Призраки, что манят пешехода
И смущают много-много дней.

Пестрые обманчивые чары
Хороводом встанут на пути
И лишь мудрый, любящий и старый
Знает, как от них тебя спасти.

Стихотворения Бориса Евгеньевича Райкова не публиковались (кроме цитирования некоторых из них в работах, посвященных его биографии, и его воспоминаниях), но он не терял надежды, что они дойдут до читателей. В 1952 г. он писал:

Бегут, меняясь, наши лета —
Как Пушкин некогда сказал,
Седеют волосы поэта,
Ходить он медленнее стал.

Но дух его живет, как прежде,
И не застыл в ленивом сне,
Он верит сладостной надежде,
Что не исчезнет он вполне.

Что обречен процессу тленья,
Оставит мир не без следа,
И молодые поколенья
О нем услышат иногда.

Стихотворения Б. Е. Райкова ждут издателя. Найдется издатель — будут и читатели, а среди них появятся и почитатели поэта-ученого.